

Профессор Б.С. Шостакович: штрихи к портрету историка

Болеслав Сергеевич Шостакович оставил в исторической науке заметный след. Он был известным полонистом, доктором исторических наук, профессором Иркутского государственного университета, одним из руководителей правления польского культурно-просветительного общества «Огниво» в Иркутске. О его научном творчестве уже сложилась своя историография. Однако многие страницы его судьбы и повседневной жизни остались вне поля зрения биографов. С этой точки зрения я (*Юрий Петрушин. – Ред.*) попытаюсь хотя бы в общих чертах осветить некоторые факты его биографии, органически вплетенные в творчество известного сибирского ученого.

Б.С. Шостакович – дите войны. Он родился 3 февраля 1945 г. в семье известного историка, профессора Иркутского государственного университета С.В. Шостаковича. Родственные корни предков Б.С. Шостаковича восходят к истокам российского и польского национально-освободительного движения. В более позднее время родство с семьей известного композитора Д. Шостаковича приобрело ореол мирового уровня, о котором Болеслав Сергеевич говорил со свойственной ему скромностью. Помнится, когда в Иркутск приехал В. Спиваков со своим оркестром «Виртуозы Москвы» и исполнил произведения раннего Д. Шостаковича, Болеслав Сергеевич, обладавший музыкальной грамотой, весьма деликатно говорил нам, своим коллегам, о некоторых неточностях исполнения оркестром музыкальных сюжетов из раннего творчества (1920-х) годов Д. Шостаковича.

Однажды, лет 5 или 7 назад, в одном из совместных пребываний с Болеславом Сергеевичем в Питере, он позвал меня на ужин с семейством Шостаковичей. По своей неразумности и какой-то провинциальной скромности, я отказался. Болеслав Сергеевич обиделся и мягко выговорил мне, что он сожалеет об этой упущенной возможности. Теперь я понимаю, какую неактичность допустил тогда ваш покорный слуга. Вообще, он всегда старался познакомить нас с деятелями польской науки и культуры, приезжавшими в Иркутск, часто приглашал своих именитых коллег на исторический факультет.

Болеслав Сергеевич очень тепло относился к Питеру, его истории и жителям «ленинградцам». Будучи в командировках, он всегда останавливался в этом городе у родственников. Видимо его сознание тревожили трагические дни блокады города, где зимой 1942 г. от голода умер его дед Владимир Болеславович.

Не забывал Болеслав Сергеевич и свое послевоенное детство. Оно было, как и у многих его сверстников и счастливым (война кончилась), и не сытым. Иногда он упоминал о консервах, которые получали в его семье по продовольственной норме, оставшихся на складах еще по «Лендлизу». Может быть, поэтому он был непривередлив в пропитании, всегда был умерен в «горячительных напитках». Однако любил хорошую и интересную компанию. Из своих поездок в Польшу он всегда привозил нам, своим друзьям, дубовую настойку. После рабочего дня, закрывшись в кабинете, мы накрывали скромный стол. Болеслав Сергеевич выставлял «Дубовую», и мы на часа 2 или 3 предавались разговорам о его поездке, о нашей любимой истории.

Не сказать, что Болеслав Сергеевич был занимательный рассказчик, но он умел поддержать разговор, демонстрировал энциклопедические знания обсуждаемого предмета, ценил и понимал юмор. В такие периоды встреч он заметно раскрепощался и оживлялся, шутил, смеялся. В нем совсем не было той официозности и сухости преподавателя, которые наблюдали студенты.

В студенческую аудиторию и на факультет Болеслав Сергеевич всегда приходил в костюме и при галстучке. Он был по-европейски элегантен, вежлив и предупредителен. Никогда не повышал голоса, был носителем грамотного академического языка, который, к сожалению, сейчас не в моде. Когда возникала необходимость у его коллег, брался за переводы статей с польского на русский язык. Он чтит нравственные принципы, заложенные католической верой, был в числе верной паствы местного костела. С другой стороны, Б.С. Шостакович органично впитал в себя и понимал сибирскую самобытность и ментальность местных жителей, их образ жизни. Все это делало его сибиряком в самом широком смысле слова.

Болеслав Сергеевич был не только интеллектуалом и интеллигентом в третьем поколении, но и следил за своей физической формой, хорошо разбирался в спортивной жизни страны. Иногда, когда проводились научные конференции на спортивных базах за городом, мы с удивлением наблюдали, как в свободные минуты Болеслав Сергеевич играл с молодежью в волейбол. Он технично применял приемы, показанные в детстве отцом Сергеем Владимировичем Шостаковичем, известным в нашем городе еще и как классный теннисист.

Подкупала в Болеславе Сергеевиче его честность и мягкость, искренняя непрacticalность в житейских ситуациях. Когда у него случилась трагедия (из жизни ушла супруга), Болеслав Сергеевич как-то сник, растерялся, искал поддержки и сочувствия, которые мы по мере возможности старались ему оказать.

В редкие минуты откровенности он тепло отзывался о своей семье, дочери Ирене, супруге Елене Станиславовне. Особенно нежно любил внуков, размышлял об их будущем. Болеслав Сергеевич умел поддержать близких друзей в трудную минуту, найти простые слова сочувствия, оказать посильную помощь. За это мы его уважали и почитали как старшего товарища.

Многие из этих качеств характера в той или иной мере проявлялись в научном творчестве Болеслава Сергеевича Шостаковича. Суета ему была противопоказана по природе. К изучению проблемы он подходил медленно, не спеша. Как скрупулезный ученый и основательный по характеру человек, огромное внимание уделял подготовительной работе. Это касалось сбора и обработки источников, историографических оценок, методологии научного исследования. Отсюда у исследователя всегда был цейтнот времени. Для выражения такого состояния дел у Болеслава Сергеевича в ходу было две сакраментальные фразы: «каким то образом я ничего не успеваю» и «у меня нет секретаря». Да и не мудрено, если ученый одновременно писал 2 или 3 работы, читал лекции, занимался общественной работой. Он часто терялся и даже раздражался в современных условиях повышенной турбулентности, когда требовались многочисленные отчеты, выявление показателей и индексов цитируемости, своевременный учет «ваковских» публикаций.

В последнее время Болеслав Сергеевич Шостакович усиленно работал над завершением монографии «Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы», которая вышла уже после его преждевременной кончины. Эта фундаментальная работа, третья по очередности, продолжила исследовательский раздел издательской серии «Польско-сибирская библиотека». Она была задумана Болеславом Сергеевичем как источниковедческая и открыта им I-м томом в декабре 2009 г.

В данной монографии автором представлено комплексное осмысление польско-сибирской истории, реалии взаимного восприятия поляков и сибиряков исторических событий через призму их характеров и повседневной жизни. В итоге Болеслав Сергеевич Шостакович делает вывод, что географически удаленная и суровая по климату Сибирь развивалась не в некоем замкнутом региональном пространстве, изолированном от прочего мира. Она, по мнению ученого, выполняла роль особого межнационального и органически связующего геополитического и социокультурного международного компонента. С этой точки зрения данная тематика далеко не исчерпана и имеет свои перспективы дальнейшего изучения. И в этом мы отдаем должное Болеславу Сергеевичу Шостаковичу, нашему коллеге и товарищу, авторитетному ученому с польскими корнями и сибирским менталитетом.

Болеслав Сергеевич Шостакович памятен мне (*Александрю Иванову. – Ред.*) прежде всего как педагог, преподаватель учебного университетского курса истории южных и западных славян. У нас, студентов-историков 1976–1981 годов, он читал именно этот предмет. Делал это Б.С. всегда хорошо поставленным, несколько монотонным и ровным голосом, с небольшими модуляциями там, где хотел подчеркнуть важность какого-либо положения или вывода. При этом, приводя какие-то имена, даты и цифры, которыми изобиловала история славян, он не опускал глаза в заготовленный текст, а наоборот, неизменно и часто поднимал их вверх, словно там, на потолке, и располагались в нужном ему порядке сведения о королях, знаменитых сражениях, династических браках.

Эта, несколько комичная манера чтения лекций и ведения семинарских занятий, да и любых его публичных выступлений, была поводом для постоянных шуток у студентов не только нашего курса, но и всех последующих поколений. Болеслав Сергеевич, думаю, прекрасно знал об этом, но, по всей видимости, никогда не стремился побороть свою привычку и сохранил ее в неизменном виде до конца своих дней.

Собственно, сама лекция воспринималась студенческой аудиторией не без труда. Во-первых, ее материал был перенасыщен фактическими сведениями, трудными для запоминания, во-вторых, подавался он уж слишком, как нам тогда казалось, сухо и академично. Вдобавок ко всему, лектор и не пытался как-то оживить свою речь: он не прохаживался по аудитории, приближаясь или отдаляясь от слушателей, никогда не опирался слегка на краешек стола и не разбавлял свой материал каким-нибудь легким историческим анекдотом, рассказанным в «нужное время и в нужном месте». Болеслав Сергеевич, никогда не опаздывая, едва отзвонит звонок, входил в аудиторию, занимал место за кафедрой и оставался в этом положении все лекционное время, несколько однообразно излагая материал. Вполне естественно, что студенческую аудиторию через 15–20 минут напряженного внимания начинало настойчиво кидать в сон (это свойство человеческого организма срабатывает всегда и при любом лекторе), понимать преподавателя и удерживать в голове нити его рассуждений становилось все труднее и труднее. Часть группы справлялась с этим состоянием и, поборов сон, все-таки дописывала лекцию до конца, другая, значительно меньшая, в основном галерка, надолго попадала в «объятия Морфея»...

Годы, время расставляют всё по своим местам. Так произошло и с лекциями Болеслава Сергеевича. Когда мне, сравнительно недавно, уже в зрелом возрасте, понадобился материал по полякам – участникам Январского восстания 1863 года и надо было уточнить имена руководителей, кто и когда из них попал к нам в Восточную Сибирь, я просто открыл одну из студенческих тетрадей с выцветшей надписью на коленкоре «Славяне», и вот они, необходимые фактические сведения – имена, даты, события, обилие которых так сильно «утомляло» нас когда-то.

Что я хочу подчеркнуть: среди наших преподавателей было немало и таких, кто читал свой материал очень живо и блестяще, любил «kozyрнуть» словом или афоризмом, весьма эффектно и театрально подать свою и чужую мысль. Но эти лекции у меня (да и однокурсников) остались в памяти неким мутным пятном и на бумаге не сохранились. Их было невероятно трудно конспектировать, а записанное невозможно затем связать в единую стройную лекцию. Такие записи совершенно не помогали перед экзаменом, а главное – не учили учиться. Болеслав Сергеевич же был прекрасным методистом, умевшим уже тогда, в свои 30-ть с небольшим, совершенно грамотно, как мне сейчас видится, расставить в лекции главное и второстепенное, важное и «очень важное».

Болеслав Сергеевич Шостакович был не только обстоятельным лектором. Точно также обстоятельно он оформлял результаты своих научных исследований. Его статьи – классический пример академической научной публикации, где мысль «не скачет», не витает и не теряется за многочисленными отступлениями, делаемыми от первого лица («помнится, как-то я...»), а строго следует воле автора и правилам научного изложения. В его публикациях всегда имеется длинное, сформулированное строчки на три-четыре не меньше название, краткий историографический и источниковый обзор предмета изложения, четко обозначенные цель и задачи, логично выстроенная и интересно поданная основная часть, с неизменно большим количеством сносок, и совершенно обоснованные, завершающие всю конструкцию, обстоятельные выводы.

При этом следует сказать, что Болеслав Сергеевич не умел и не хотел быть кратким, лапидарным, его самые маленькие статьи начинались от «авторского листа» и дальше, когда где-то в районе 30–35-й страницы автор только подходил к главному, а затем, под давлением внешних обстоятельств («сколько же можно, существует ведь заданный объем, уже перекрытый Вами в два с лишним раза», – говорил ему кто-нибудь из выпускающих редакторов издательства «Иркутский университет») был вынужден «наступить на горло собственной песне» и «быстро закончить», кратко повторив все сказанное еще на двух-трех страницах. Вот и получалась «монументальная» статья страниц на 40–45!

Болеслав Сергеевич был неизменным, постоянным участником «Ссылных революционеров в Сибири» и «Сибирской ссылки», единственным (!) автором, не пропустившим ни одного выпуска этого издания. При этом надо учитывать, что в очередном выпуске он размещал нередко сразу по две разноплановых статьи – одну по конкретной теме, другую – по историографии или мемуарному наследию ссылных поляков. Есть у него и несколько рецензий на книги своих коллег и товарищей. А к первому выпуску «Сибирской ссылки» в 2000 году он по просьбе ответственного редактора профессора Николая Николаевича Щербакова написал весьма обширную (по другому никак!) вводную статью.

Следует сказать, что это была далеко не простая, «дежурная» вводная, а разработанная им совместно с Н.Н. Щербаковым (при скромном участии автора этих строк) подлинная программа, определявшая работу редакции издания на перспективу, предполагавшая значительно расширить тематику сборника, приступив к изучению репрессий Советской эпохи (в том числе и среди поляков периода Второй мировой войны), непременно начать планомерное освоение практически нетронутой и неизвестной планеты под названием Сибирская Уголовная ссылка и пенитенциарной системы за Уральским камнем в целом. При этом Б.С. Шостакович преследовал и свои, сугубо «авторские» цели – к каждому выпуску сборника он предлагал делать приложения из документальных материалов, рассказывающих о судьбе «сибирских поляков» с обширными комментариями, обогащая и приумножая тем самым так называемую «сибирско-польскую литературу».

При его непосредственном участии проходило и организационное становление как «старого», так и нового сборника. В четвертом выпуске обновленной «...ссылки» Б.С. Шостакович оставил воспоминания об этом времени, названные им, «как всегда коротенько»: «Щербаков и научный сборник по истории сибирской политической ссылки (Опыт мемуарно-аналитической реконструкции). К 35-летию начала выхода сборника и 70-летию его ответственного редактора», где подробно и талантливо описал историю зарождения самой идеи этого издания, когда его отец, профессор С.В. Шостакович и профессор Ф.А. Кудрявцев, в конце 1960-х годов, на одном из

«Геродотов», несколько разочарованные объемом материала по проблемам политической ссылки, включенным в третий том «Истории Сибири», предложили тогда еще молодому кандидату исторических наук Н. Н. Щербакову начать выпуск собственного, независимого тематического сборника.

В этой же статье Б.С. Шостакович высказывает и свою обиду Н.Н. Щербакову: мол, далеко не всегда ответственный редактор принимал к публикации его статьи. Это не совсем справедливо: прежде всего, надо иметь в виду, что статей, как правило, предлагалось как минимум три, и Щербаков выбирал одну-две, а другие складывал в свой «редакторский портфель», говоря неизменно: «Болеслав, твои поляки всюду, имей же меру!», а во-вторых, сам Болеслав Сергеевич был автором, весьма и весьма вольно трактовавшим сроки предоставления своих материалов. Он, неизменно и многословно извиняясь, обещал непременно «докончить» статью в очередной срок, но никак не мог этого сделать, потому что собирался на симпозиум в Варшаву, на конференцию в Якутск, или на чтения в Кяхту (называю реальные его поездки), а еще дома был «ремонт» или «переезд», а «компьютер не открывался». Сроки выхода сборника приходилось нередко откладывать.

Однажды, это было уже после кончины Н.Н. Щербакова, так и не дождавшись обещанной статьи от Болеслава Сергеевича в «Сибирскую ссылку», я запустил сборник в работу, сдал готовый макет в типографию. Книга была печатана и сложена в тетрадки, и вот, когда оставалось все это сшить и приклеить твердую крышку («корочку», как говорит большая часть авторов), на пороге издательства появился Б.С. Шостакович и, как ни в чем не бывало, протянул мне кассету со своей давным-давно обещанной статьей. «Всё, Болеслав Сергеевич, поздно», – говорю. А он мне, с совершенно обезоруживающей логикой, восклицает: «Ну как же это может быть, уважаемый Алексансаныч, ведь мои статьи есть в каждом выпуске, а здесь их не будет?! Ну, давайте же быстрее что-нибудь придумаем!»

А что тут можно было придумать?! Пришлось переделывать едва ли не половину тиража уже отпечатанной книги. При этом такая ситуация повторилась с несколькими другими вариациями еще раз, при издании следующего выпуска через два года: Болеслав Сергеевич опять не успевал, но по-прежнему

обещал, что в будущий том он обязательно сдаст свой материал в срок.

Совершенно неожиданно для меня он сдержал свое обещание: в 2013 году, в седьмой, последний, изданный при его участии выпуск, он принес свою статью едва ли не первым, извинившись при этом, что не сможет активно помогать как соредактор. Свои действия он объяснил занятостью и подготовкой крупной монографии, выпускаемой в Москве, а заодно пригласил меня, как и двух других авторов этих беглых воспоминаний, выступить ее рецензентом.

Впрочем, на Болеслава Сергеевича невозможно было сердиться или обижаться какое-то продолжительное время – приходилось принимать его «таким как есть», при этом следует подчеркнуть, что он был человеком безусловно добрым и отзывчивым, готовым всегда и всячески помочь дельным советом или поделиться своими обширными знаниями. Как-то я обмолвился, что не могу прочесть самостоятельно книгу Михала Янека о жизни поляков в Забайкальском крае, которую он мне, кстати, и дал для составления обзора польской историографии истории сибирской политической ссылки. Мною для перевода был приобретен польско-русский словарь и даже соответствующий разговорник, но дело не продвигалось. Тогда Б.С. попросил отметить нужные мне страницы и к моему немалому удивлению, перевел их быстро, в несколько дней, и, конечно же, совершенно бескорыстно.

Обычно воспоминания о человеке начинают с момента первой встречи с ним. Я же (*Сергей Кузнецов. – Ред.*) начну со встречи последней – конец июня 2015 г., последнее в учебном году заседание кафедры мировой истории и международных отношений. Как всегда в последнее время нервные разговоры об учебных программах, аннотациях и прочем. Уже после кафедры Болеслав Сергеевич заходит ко мне попрощаться на два месяца каникул, как всегда сетует на нехватку времени, по поводу бюрократии как всегда роняет свое: «Я уже вообще ничего не понимаю!» Неоднократно возвращается к разговору о своей книге, которая готовится к изданию в Москве, и которая очень его беспокоит. Мне кажется, редакторы рыдали от него, он был крайне придирчив во всем, что касалось

польских имен, фамилий, названий, всех этих крючочков и палочек польского письма. При этом, как должна писаться та или иная польская фамилия он втолковывал даже самим полякам – их носителям. Мы прощались, он уходил и вновь возвращался, досказать что-то крайне важное. Это тоже была его особенность – уходить постепенно, при этом жалуясь на нехватку времени. Когда спустя несколько недель его не стало, я долго не мог в это поверить, полагая это какой-то нелепой шуткой. Его присутствие на кафедре казалось мне обязательным, неременным.

В 1976 году мы, студенты четвертого курса истфака, впервые пришли на его лекции по истории славян. Уже знаем все анекдоты о преподавателе от старших курсов, его слабости и привычки. Ходили рассказы, что он принимает экзамен до позднего вечера, не терпит опозданий. Знали мы, разумеется, и о том, что он – сын знаменитого профессора С.В. Шостаковича. Лекции его были бескрайними и по объему в несколько раз превосходили учебник. Примерно в это же время произошла наша встреча в клубе «Висла», куда я был приглашен как член интерстройотряда ИГУ «Бабр», летом побывавшего в польских Катовицах. Б.С. был членом правления «Вислы», вел заседание и дотошно расспрашивал нас о поездке. Атмосфера была непринужденная, дружеская и мы, помнится, растались довольные друг другом.

Удивительно, что с тех пор Польша, поляки, польская тематика постоянно присутствовали в моей жизни. Благодаря Б.С. мы считались научным центром темы «Поляки в Сибири», к нам постоянно приезжали из Польши преподаватели, аспиранты и студенты. Была даже ознакомительная практика студентов ИГУ в Гданьском университете, не без участия Шостаковича в ее организации, конечно. Со многими из тех, кто приезжал на истфак, мы поддерживали отношения долгие годы. Это проф. Ф. Новинский, Я. Илюк, Анна Замек-Глициньска, З. Опацкий и другие. А доцент из Краковской политехники Владислав Масярж даже прикреплялся к нашей кафедре, заканчивал и защищал здесь докторскую диссертацию. Болеслав Сергеевич легко общался с ними по-польски, что было им без сомнения приятно. Но в отношении исследования темы, работы в архивах, пожалуй, согласия у них особого не наблю-

далось. Чувствовалось его слегка ревнивое отношение к этим людям, которые приехали на несколько месяцев в Иркутск и стремились максимально почерпнуть материалы в архивах. Он так работать не привык. Фонды архивов он, разумеется, отлично знал, но справедливо полагал, что работать над ними надо годами и даже десятилетиями.

Пару раз я оказывался с Болеславом Сергеевичем на конференциях в Польше. Было приятно ощущать внимание слушателей и руководителей конференций к его выступлениям, обязательно на польском языке, довольно пространным и академичным, как того и требовал этикет. Чувствовалось, что его здесь уважают, знают и ценят. Собственно, об этом свидетельствовали и государственные награды Польши – Золотой Крест Заслуги, которым он был удостоен.

Нельзя сказать, чтобы его путь в науке был легким. Безусловно, он был прекрасно образован и подготовлен как исследователь-историк. Даже один год он проучился на истфаке МГУ, что постоянно подчеркивал (была раньше такая форма – отправлять наиболее успешных студентов на год в МГУ набраться ума-разума). Безусловно, его направлял и поддерживал отец – Сергей Владимирович. Но что-то, как мне кажется, Болеславу Сергеевичу мешало, сдерживало его. То ли особенности характера, то ли некая отстраненность от коллег (в молодости он держался немного в стороне). Его довольно жестко критиковал С.Ф. Коваль, а на кафедре всеобщей истории – В.В. Яровой. Суть этой критики мне неизвестна, знаю только, что Болеслав Сергеевич болезненно ее вспоминал до последних дней.

Довольно долго он шел к защите кандидатской диссертации, защитив ее только в 30-летнем возрасте. Впрочем, в то время защищаться быстро было не очень принято. Почти 23 года отделяют его кандидатскую от докторской, которую он защитил по докладу. А.А. Иванов заметил, что у Шостаковича не получались короткие статьи. Действительно, он основательно, с чувством подходил к проблеме, в течение длительного времени как бы разглядывая ее со всех сторон. Потом несколько месяцев обдумывал, прежде чем неторопливо приступить к сбору материалов. Вспоминается, что к 100-летию со дня рождения С.В. Шостаковича коллеги по кафедре подготовили сборник статей, посвященный этому событию. Был в нем,

конечно и материал Болеслава Сергеевича. Характерен его заголовок – «Мои наброски к будущему мемуарному портрету Сергея Владимировича Шостаковича». Полного «мемуарного портрета» нам увидеть уже не суждено.

Научное наследие Б.С. Шостаковича насчитывает сотни статей, очерков, биографических справок, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Его историография огромна. К сожалению, углубляясь в детали, докапываясь до мельчайших подробностей, он как бы забывал о времени. И об обязанности историка – не просто собрать и описать, но обобщить материал, создать на его основе фундаментальный труд. К этому он приступил, когда времени у него уже не осталось.

К сожалению, Болеславу Сергеевичу не удалось создать свою полонистскую школу, лишь единичные аспиранты защитили диссертации под его руководством. Одна из причин этого – в той слишком высокой планке, которую он ставил перед своими учениками. Далеко не каждый мог выдержать его требования, относя их на счет излишней придирчивости профессора. Иной раз он обижался, когда его не приглашали оппонентом на защиты диссертаций по близким ему темам. Нам-то это было понятно, – кому нужен рецензент, досконально, до последнего мелкого факта знающий твою тему, не терпящий даже мелкой небрежности, а тем более научной недобросовестности.

Болеслав Сергеевич был большим знатоком Польши, с удовольствием посещал эту страну не один десяток раз. При этом его познания не ограничивались лишь сферой его научных изысканий. Он прекрасно знал литературу и искусство Польши, особенности быта и повседневной жизни, польскую еду и напитки, политику и религию. Помнится, когда в августе – сентябре 1980 г. в Гданьске на судовой верфи им. Ленина возникло польское объединение профсоюзов «Солидарность», легализованное 10 ноября 1980 года и запрещенное в январе 1982 года, он сделал прекрасный доклад на методсеминаре исторического факультета, в котором подробно разъяснил нам, что профсоюз объединял самые разные политические силы – от католических консерваторов и правых либералов до ультралевых социалистов и анархистов. Конечно, к профсоюзу он отнесся критически, а мысль о том, что деятельность профсоюза нацелена

на демонтаж режима ПОРП, он высказал весьма осторожно и завуалировано (это вызвало довольно скептическое отношение со стороны старшего поколения преподавателей).

Наш близкий товарищ и коллега Б.С. Шостакович был своеобразным «явлением» иркутской школы историков. Он впитал в себя лучшие черты интеграции исторической науки и образования России и Польши. Обладая потенциалом российской гражданственности, он, как бы, символизировал собой встречу трех поколений поляков в Сибири. С этой точки зрения, наши воспоминания выступают как попытка сохранить личную и коллективную память об ученом через богатство разговорного языка и повседневность. Будем надеяться, что подобный подход позволил нам выделить и сопоставить два уровня исторического знания – обыденного и научного, придать «ценность» подобному жанру самой случайностью набора фактов и подробностей и донести это до наших читателей.